

Юнона БЕЛОВА

ИЗМЕНА МУЖА.
ТВОЙ ИДЕАЛЬНЫЙ
ОБМАН ДАЛ СБОЙ!

Юнона Белова

**Измена мужа. Твой
идеальный обман дал сбой!**

«Автор»

2026

Белова Ю.

Измена мужа. Твой идеальный обман дал сбой! / Ю. Белова —
«Автор», 2026

Муж назвал меня холодной дурой. Я услышала это в голосовом сообщении, адресованном другой женщине. Он клялся, что запись поддельная. Я не поверила. А зря. Кто-то действительно создал идеальную копию его голоса. Но пока я искала доказательства измены, Артемий тайно передавал наши технологии конкурентам и готовился лишить меня компании, которую мы строили вместе. Теперь против меня муж, его бывшая жена, влиятельный инвестиционный фонд и миллионы на офшорных счетах. Они думали, что я сломаюсь. Но я создала эту систему. Знаю каждый её секрет. И найду тех, кто решил уничтожить мою жизнь. Вы подделали его голос? Я покажу всем ваши настоящие лица!

© Белова Ю., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	11
Глава 4	13
Глава 5	16
Глава 6	19
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Юнона Белова

Измена мужа. Твой идеальный обман дал сбой!

Глава 1

Люди из фонда ушли, оставив нам подписанную сделку. Завтра объявляем раунд В. Можно хоть минуту побыть СТО, у которой всё работает? Я прислонила ладонь к стеклу и посмотрела вниз, на мокрый город. Гроза закончилась ещё во время совещания, а мы даже не заметили. У Артемия на столе оставался виски — он опять налил и забыл выпить.

Телефон Артемия засветился на столе. Я машинально посмотрела.

Он положил телефон экраном вверх. Странно: обычно переворачивал сразу, ещё прежде, чем сесть. Я постояла у стола. Не трогай. Выйди. Он вернётся, сам прочтёт. Но на секунду представила, что там опять вопросы фонда, которые всё равно придётся отвечать мне. Этим оправданием и воспользовалась. Не настолько я была дурой, чтобы его не замечать.

Я взяла телефон. Экран ещё не успел заблокироваться после его последнего касания. В Telegram оставалась открыта переписка, и мне даже не пришлось ничего искать.

В чате была фотография: бокалы, ресторанный полумрак, женское запястье рядом с мужской рукой. На ней я заметила массивный золотой перстень. Лиц не видно. Под снимком, отправленным час назад, Артемий написал: «Скучно дома». Я задержала палец на экране. Дома? Мы весь вечер просидели здесь.

Я прокрутила сообщения выше. Может, до фотографии есть шутка, без которой всё выглядит иначе? Рабочий чат, чей-нибудь дурацкий мем — я согласилась бы на любое объяснение, если бы оно позволило положить телефон и больше к нему не прикасаться. Но чем выше я листала, тем меньше находилось поводов остановиться.

У голосового стояло 23:45. Я посмотрела на часы: двенадцать минут назад. Он уже должен был вернуться ко мне, а вместо этого отправлял кому-то запись.

Кнопка воспроизведения была совсем маленькой. Я целилась в неё большим пальцем и никак не могла нажать: на слух пришлось бы узнавать то, чего фотография ещё не доказала. Всё-таки нажала.

Артемий. Я узнала его сразу, ещё до первой фразы. Когда мы подписывали брачный контракт, он говорил таким же голосом: «Люблю тебя. Это только для родителей, не сердись». Тогда я слышала нежность. Сейчас тоже — и от этого стало гораздо хуже.

— Я ухожу от этой сухой дуры, — произнес он. Тон был легким, даже веселым. — Ей нужен только код, а мне нужна живая кровь. Она смотрит на меня как на сервер, который нужно перезагрузить. Скучно, Инга. До тошноты скучно.

Кто-то рассмеялся рядом с записанным Артемием. Хрипло, знакомо. Я перестала вслушиваться в его слова и узнала Нику — бывшую UX-дизайнера, которую уволила за саботаж релиза. Теперь она была ассистенткой у его конкурентов. Я-то считала, что два года назад мы с ней закончили. Она, оказывается, иначе считала.

Я упёрлась ладонью в стол: стоять без опоры вдруг стало трудно. Запись продолжалась, но после «сухой дуры» я уже не разбирала слов. Хотелось перемотать и убедиться, что услышала. Вместо этого я стиснула телефон так, что заболели пальцы. Это Артемий. Это точно он. Но как он мог говорить обо мне так весело?

Дверь кабинета скрипнула.

Дверь открылась, и я всё ещё держала его телефон. Артемий остановился. До меня донёлся запах алкоголя и каких-то незнакомых духов. Он сначала посмотрел на экран, потом улыбнулся мне. Чуть раньше, чем успел что-нибудь сказать. Эту поспешную улыбку я знала по трудным встречам с инвесторами. Он видел, что именно я слушала. И всё-таки улыбался.

— Вера, это не то, что ты думаешь. Он приблизился, не сводя глаз с телефона. — Новый канал связи тестируем. Для корпоративной сети. Проверка безопасности мессенджеров, ну, ты понимаешь. Тебе же интересно? Он наконец посмотрел мне в лицо. Как будто я должна обрадоваться, что мне доверили рабочую подробность.

Он потянулся забрать телефон. Я отступила, и его рука осталась между нами. Тестирование мессенджеров? Он мог бы хотя бы вспомнить, что безопасность нашей сети — моя работа. Пока он искал следующую фразу, я выключила запись и положила устройство на стол. Очень аккуратно. Если бы уронила, он непременно заговорил бы о моей истерике.

Он следил за телефоном до самого стола. Потом посмотрел на меня. Я ждала продолжения про тестирование, но он решил зайти с другой стороны.

Артемий обнял меня, даже не спросив, можно ли. Ладонь легла на поясницу, куда всегда ложилась. Я упёрлась в его грудь и попробовала отодвинуться. Он уже гладил по спине. Когда-то этого хватало, чтобы я перестала думать о работе. Сейчас думать хотелось о том, как убрать его руку. У воротника рубашки особенно пахло виски.

— Давай обсудим спокойно, — зашептал он мне в волосы. — Я все объясню инвесторам завтра. Или сегодня. Ты истеришь из-за рабочих моментов. Ты знаешь, как я люблю тебя. Ты моя опора.

Я попыталась убрать его руку. После записи каждое прикосновение хотелось стряхнуть: там он говорит, что ему скучно со мной, а здесь гладит по спине. Смех Ники всё ещё звучал в ушах. Я помнила, как она смотрела на меня после увольнения. Неужели дождалась? И он позволил ей смеяться надо мной? Эти вопросы были страшнее фотографии, на которой даже не было лиц.

Оттолкнув его, я нащупала застёжку цепочки. Не справилась, дёрнула. На ладони осталось золото с маленькой бесконечностью — он подарил её на первую годовщину. Сколько раз я машинально трогала этот кулон, пока ждала его звонка. Теперь бросила цепочку в него. Промаяхнулась: она ударилась о стену и упала.

— Уходи. Слова пришлось выталкивать. Ещё немного, и я заплачу, а он наконец получит удобную для себя истерику. Сейчас ему её не дам.

Он опустил глаза к цепочке. Поднимать не стал. Когда снова посмотрел на меня, я уже знала, что дальше будут деньги: так он смотрел на людей перед неприятным разговором о долях.

— Если ты устроишь скандал, фонд отзовет транш, — произнес он ровным, канцелярским тоном. — Ты потеряешь компанию, Вера. Мы оба. Подумай о команде. О деньгах.

Денег хватало на месяц. Этот прогноз я сводила сама, Артемий знал. Слово «команда» он произнёс специально — чтобы я вспомнила тех, кто ждёт зарплату. Вспомнила. Но вернуть телефон, извиниться и завтра сидеть с ним перед фондом уже не смогла бы.

В списке контактов нашла Диму. Рядом с именем стоял рабочий номер, дежурная смена. Палец соскользнул с вызова; я нажала ещё раз и поднесла телефон к уху. Муж следил за мной, пытаюсь угадать, кому звоню.

— Привет, Дима, — сказала я в трубку, глядя прямо в глаза мужу. — Немедленная блокировка доступа СЕО к внутренним серверам и облачным хранилищам. Пароль менять не буду. Пусть дергается.

Услышав про блокировку, он схватил меня за руку. Я держала телефон другой и не отвела от него глаз. Теперь хоть поняла, чего он действительно не хочет потерять.

— Ты истеричка! — повысил он голос, впервые за весь вечер. — Это дипфейк! Кто-то подставил нас! Проверь исходники!

Я освободила руку. Конечно, я знала, что такое дипфейк. Он мог сказать об этом сразу, а не после «подумай о деньгах». Мог попросить меня проверить запись, пока я ещё держала телефон. Почему техническое объяснение нашлось только сейчас, когда заблокировали его доступ? Я смотрела на мужа и больше не понимала, какой из его страхов настоящий.

— Голос был идеальным, Тёма, — произнесла я тихо. — Но ты забыл одну деталь.

Он замер, ожидая удара.

— На записи слышен фоновый шум кондиционера из нашего старого офиса. Там, где Ника сидела раньше. Этот шум исчез год назад после ремонта.

Он не ответил. Я сама слышала старый шум в новой записи, но не могла отделить его от сказанного обо мне. Признак монтажа должен был дать надежду. Вместо этого я злилась ещё сильнее: почему теперь я должна искать ему оправдание? Если он знал о подставе, где был хотя бы десять минут назад?

Я развернулась и вышла из кабинета.

Лифт пришлось ждать. В зеркале я увидела свой перекошенный рот и разжала губы. Охранник поздоровался; ответить не получилось. Он отвёл глаза, и я была ему за это благодарна. Уже в лифте наконец сообразила заказать такси.

Воздух ударил в легкие, обжег горло. Такси подъехало через минуту. Я села на заднее сиденье, захлопнув дверь. Водитель спросил адрес. Я назвала наш дом и попросила не включать радио.

Я раскрыла ноутбук на коленях. Персланное голосовое уже было у меня: успела отправить его себе, пока Артемий пытался меня обнять. Осталось скачать файл, а не снова слушать. Набирая команду, дважды промахнулась по клавише. Исправила. Всё это ещё можно проверить. В консоли появилась первая строка:

```
`import librosa`
```

Если он действительно говорил это, я заставлю его ответить. И передо мной, и перед людьми, которым он так нравится. Если голос собрали за него — найду, кто собрал. Пусть Артемий пока думает, что я просто ушла плакать.

Когда машина выехала из-под навеса, дождевые капли застучали по крыше. Я смотрела в ноутбук. Плакать наверняка буду — дома или прямо здесь, если перестану печатать. Пока я могла сделать одну понятную вещь: проверить файл. За следующий десяток строк кода отвечала я, не Артемий.

Глава 2

В домашней кладовке гудели серверные стойки. Обычно никто меня здесь не трогал, а теперь гул мешал слушать запись. Я надевала наушники, меняла громкость. Всё хотела слышать другое слово вместо того, которое уже услышала. К утру знала файл наизусть.

Скрипт открыл `audio\_proof.wav` без ошибок. Писала я этот анализатор три года назад, для биометрии клиентов. Когда его хвалили, охотно объясняла, где он может соврать. Теперь сидела и ждала, что он сам даст мне повод набрать номер Артемия. Смешно. Автор скрипта ищет оправдание в собственном отчёте.

Нажав запуск, я подтянула ноутбук ближе. Сначала на экране ничего не было, потом одна за другой появились строки: «Анализ спектральных характеристик...» «Проверка артефактов генеративных моделей...» «Сопоставление шумового профиля микрофона устройства...» Каждую эту формулировку когда-то придумала я. Сейчас они совершенно не успокаивали.

Анализ шёл третий раз. Я следила за минутами и ковыряла ногтем край клавиши Enter. Воды хотелось, но встать означало пропустить результат. Человек, который написал этот скрипт, не должен так себя вести. Я перестала трогать клавишу, положила ладони на колени и всё равно не отвела глаз от экрана.

«100% ОРИГИНАЛ». Вот и всё. Скрипт не нашёл швов, не заметил искажений фазы. По его версии Артемий произнёс «Я ухожу от этой сухой дуры» сам. Хрип, который у него появлялся после виски, профиль записи с iPhone — всё сошлось. Можно было сказать: программа не знает новых моделей. Я ведь знала её ограничения. Но эти сто процентов читала опять и опять, как окончательный ответ.

Меня затошнило. Отодвинув ноутбук, я стала перебирать наши разговоры о будущем. Два года брака, сделки, бессонные ночи — где началось это «скучно»? Рядом с каким вечером стояла другая жизнь, в которой можно жаловаться на меня Инге? Ста процентам верить проще. Они хотя бы не просят вспоминать.

Я выделила файл и навела курсор на удаление. Если запись исчезнет, я перестану слушать её по кругу. Но слов это не отменит, а проверить потом будет нечего. Я сняла выделение и захлопнула ноутбук. Слишком сильно: на полке звякнули корпуса жёстких дисков. От звука стало стыдно, хотя рядом никого не было.

Телефон завибрировал. Не звонок, а уведомление мессенджера. Имя отправителя: Nika_UX.

«Слышала, ты плачешь? А я слышу его голос так же чётко, как свой», — гласило сообщение.

Слышала от кого? После увольнения мы с Никой два года не общались. Я подписала приказ за саботаж дизайн-системы и не хотела о ней думать. А она уже знает о ночном разговоре, уже придумала мои слёзы. Телефон захотелось отнести подальше.

Она прислала второе сообщение: «Могу помочь найти настоящие доказательства. Нужен доступ к внутренним серверам компании. Под видом аудита безопасности. Я знаю, у тебя есть ключи».

Она просила именно ключи. Не запись, не фотографии — доступ к нашим серверам. Откуда у неё уверенность, что он у меня ещё есть? Я вернулась к первому сообщению. Пусть думает, что я плачу. Ответа, который она сможет показать другим, я ей не дам.

— Блокировать, — прошептала я, тыкая в экран. Пальцы скользили по потному стеклу.

Входная дверь открылась прежде, чем я успела закончить блокировку. Артемий остался в пальто, с расстёгнутой рубашкой под ним. Я посмотрела на его красные глаза и подумала, что сейчас он спросит, как я. Но он даже обувь не снял.

— Где ключи? — рывкнул он, даже не сняв пальто. — Почему система заблокировала мне вход в админку? Ты думаешь, это смешно, Вера?

Он подошёл слишком близко. Я оказалась между ним и столом и сделала шаг вбок, чтобы не пришлось задирать голову. В офисе его так слушали все. Дома я больше не хотела стоять смиренно, пока он объясняет мне мои ошибки.

— Ты параноик, — выплюнул он. — Ты сама это подстроила. Записала фейк, слила в общий чат, теперь хочешь отобрать компанию? Ты всегда хотела быть выше меня. Даже в постели ты пыталась управлять процессом.

После слов о постели я стала смотреть на ноутбук за его спиной. За фейк, утечку и чужой телефон теперь виновата я. Так ему удобнее обходить вопрос об Инге. Пусть выговорится; результат анализа ещё никто не отменил.

Я молча подошла к столу, открыла ноутбук и повернула экран к нему. На нем был результат анализа `audio\_proof.wav`. Крупная надпись: «ОРИГИНАЛ».

Он прочёл надпись и отступил. Этот скрипт раньше хвалил перед инвесторами; теперь результат не понравился. Я убрала ладонь с крышки: пусть читает. Мне тоже не дали выбрать, какие слова услышать ночью.

— Ты сошла с ума, — сказал он у двери. Уже тихо. — Ты пожалеешь. Я ждала, что он добавит ещё что-нибудь, объяснит, почему анализ неправильный. Но объяснять ему больше не хотелось.

Он вышел, хлопнув дверью так, что с полки упала рамка с нашим свадебным фото. Стекло треснуло, превратив улыбающихся нас в осколки.

Теперь нужен был человек, который проверит меня. Не согласится из жалости и не скажет «ты же сама всё слышала». Другой инструмент, другая голова. Моим собственным ста процентам я уже не доверяла, хотя от них по-прежнему тошнило.

Григорий раньше служил, потом ушёл в независимую кибербезопасность. Он не терпел выводов, которые нельзя проверить, и со мной спорил без всякой скидки на дружбу. Сейчас мне нужна была именно эта его неприятная привычка. Пусть скажет, где я ошиблась. Только пусть посмотрит файл сам.

На первый звонок ответили короткие гудки. На второй — сообщение, что абонент недоступен. Я открыла его страницу: удалена три дня назад. Проверила ещё раз, не перепутала ли аккаунт. Нет, тот самый. Он исчез из сети ещё до нашего скандала, и от этого мне стало хуже, чем от обычного отказа взять трубку.

Когда телефон погас, я встала за блокнотом. У Григория оставался старый адрес. Там он мог сказать, что не поможет, но ждать звонка было уже невозможно.

Григорий сам заставил записать адрес на бумаге, и я тогда посмеялась. Блокнот лежал в деревянном ящике в прихожей. Нашла нужную страницу, сверила номер дома и вызвала такси. Если откроет дверь, объясню остальное.

В вечерней пробке я проверяла телефон каждые несколько минут. Григорий не перезвонил. Водитель спросил, сильно ли опаздываю, и я ответила, что нет. Мне ещё нужно было придумать, как объяснить этот приезд без предупреждения.

За ржавой калиткой начинались ступени в подвал НИИ. Я спустилась к приоткрытой двери. Внутри пахло кислым кофе и пайкой, свет не горел. Стоило бы сначала позвонить ещё раз, но я уже стояла у входа.

— Гриша? — позвала я. Голос дрогнул.

Тишина. Только гул трансформатора за стеной.

О провод я чуть не споткнулась. Переступив его, добралась до стола с платами и паяльниками. Сверху лежала моя флешка. Именно моя: рабочая, с бэкапом ключей, которую месяц назад искала везде. Невозможно не узнать вещь, которую столько раз проверяла в кармане перед выходом.

Я оглянулась на дверь. Флешку здесь оставили на виду, чтобы я сразу заметила. Как будто приход мой уже ждали.

На флешке была новая царапина и наклейка `ERR\_AUDIO\_GEN\_409`. Я взяла её за края, почувствовала тепло. Метка Григориева анализатора. Он уже работал с ней? Но откуда взял? Подключать находку к своему ноутбуку всё равно нельзя. За последний месяц у неё могло появиться сколько угодно чужих хозяев.

В углу щёлкнула зажигалка. Григорий поднёс её к сигарете, и я наконец увидела его лицо. Небритый, похудевший. Но смотрел он вполне осмысленно, прямо на флешку у меня в руке. Я едва удержалась, чтобы не спросить, почему он заставил меня думать, что с ним что-то случилось.

Григорий затянулся сигаретой. Я ждала приветствия и успела разозлиться, пока он выпускал дым вверх. Он же всё видел: и меня, и флешку у меня в руке.

— Почему ко мне, Вера? Сигарету он так и держал у лица. — В полицию не пошла? Там тоже умеют смотреть файлы. Правда, сначала посмотрят, кто платит. Я-то могу накопать столько, что и тебе отвечать придётся. Мне хотелось сказать, что отвечать я уже устала. Вместо этого осталась у стола.

Я ждала хотя бы «садись». Вместо этого он спросил о полиции, и я сжала ремешок сумки. Может быть, я зря приехала без звонка. Но уходить, не показав файл, было ещё хуже, чем выслушать его подозрения.

— Мне нужна правда, — сказала я, срывая голос. — Не оправдание. Не защита репутации. Правда. Какой бы страшной она ни была. Я готова на любую боль, только скажи мне, что я не сумасшедшая.

Григорий долго смотрел на меня. Потом медленно кивнул. — Её подбросили к двери вчера, — сказал он, забирая флешку. — Ключи с неё больше не используй.

Я передала ему на отдельном носителе сохранённое голосовое. Он подключил оба носителя к изолированному терминалу — массивной машине, собранной из разных частей, похожей на Франкенштейна.

Григорий работал быстро. Я стояла сбоку, читала бегущие строки и сдерживала желание подсказать, что искать. После собственных ста процентов не хотелось снова заранее выбирать ответ.

— Твой скрипт был хорош, — буркнул Григорий. — Но он тренировался на уже устаревших открытых данных. Этот файл... его генерировали другие модели. Те, которых нет в открытых базах.

«Другие модели» ещё не означало невиновность мужа. Но сомнение в записи наконец можно проверить. Я придвинулась к экрану, боясь спугнуть эту возможность вопросом.

Глава 3

Наконец Григорий перестал печатать. Щёлкнул мышью, подвинул монитор. Я наклонилась, ожидая увидеть спектр.

Григорий повернул монитор ко мне.

Он открыл свойства файла, а не график. «Дата создания: вчера. Время: 14:02». Я прочла и посмотрела на него: как это время связано с ночным голосовым?

— Это время сборки контейнера, не время произнесения слов, — предупредил Григорий.

В 14:02 Артемий сидел с инвесторами на закрытом совещании. Телефоны тогда убрали в сейф, я это знала. Запись он оттуда отправить не мог. Правда, дата файла сама по себе не алиби. Мне приходилось напоминать об этом себе, пока уже хотела радоваться.

— Запись сделана не Артемием, — произнес Григорий, указывая мышкой на следующую строку. — И не Никой напрямую.

В расширенных свойствах Григорий выделил `Source\_IP`. Я узнала адрес прежде, чем он спросил, знаю ли его.

Наш тестовый контур. Туда входили трое: я, Артемий и главный инженер безопасности. Я задержалась на строке, как будто адрес мог поменяться от следующего клика. Внешние конкуренты казались сейчас гораздо удобнее, чем этот знакомый сегмент сети.

Марк в университете сидел рядом и раз за разом объяснял мне чужой код. Давал доступ без вопросов. Теперь его имя стояло рядом с записью мужа. Григорий ждал, а я перечитывала адрес: назвать друга вслух не получалось.

След вёл к контуру Марка. Он создал ловушку? Или его доступ тоже использовали?

Григорий снял очки, протёр их рукавом. Пока надевал обратно, я уже понимала, что сейчас услышу. И всё равно хотела, чтобы он сказал.

— Эта запись не доказывает измену мужа, Вера. Зато она ведёт внутрь компании. И кто-то внутри неё хочет, чтобы ты уничтожила его своими руками.

На следующее утро я вошла в «Сингулярность» в десять — как на любой другой стендап. Ноутбук под мышкой, блокнот в руке. Лиды бэкэнда, фронтэнда, QA и мой заместитель уже сидели за столом. Обычно кто-нибудь спрашивал о сроках прежде, чем я садилась. Сегодня мне даже не кивнули. Я прошла на своё место и положила блокнот перед собой.

Кирилл смотрел в телефон. Остальные изучали чашки, стол, свои записи — всё, кроме меня. Я ждала привычного вопроса о спринте и наконец поняла, что им сейчас интересен другой вопрос. Вероятно, успели обсудить его до моего прихода. Мне стоило открыть ноутбук и начать стендап, но несколько секунд я просто смотрела на людей, с которыми работала каждый день.

— Доброе утро, — сказала я. Голос прозвучал чужим, тонким, фальшивым. Казалось, он отскакивал от стен и возвращался ко мне искаженным эхом.

Никто не ответил. Только щелчок мыши где-то в углу. И шорох бумаги.

Открыв ноутбук, сразу увидела уведомление. Аватарка Артемия, с прошлогоднего корпоратива. Тогда я сама выбрала для него этот снимок. Теперь под ним стояло ночное голосовое — уже в общем чате компании, который я забыла закрыть перед стендапом. Прочли все, не только я. На стекле экрана отражалось моё лицо; я посмотрела на него и передвинула крышку, чтобы больше не видеть.

«Я ухожу от этой сухой дуры».

Тридцать секунд. Ни на одном из слов голос не срывался, не становился чужим. Артемий говорил так, словно лежал рядом со мной и комментировал какую-то ерунду. Даже смех в конце знакомый. Именно от этой узнаваемости хотелось закрыть запись.

Я убрала курсор с голосового. Поздно: в общем канале запись уже увидели все. Ника слила переписку в Slack три часа назад, когда я лежала в отеле и пыталась уснуть после разговора с Григорием. Теперь люди за столом могли вспомнить слово «сухая» всякий раз, когда я открою рот. Я не хотела проверять это и смотрела только на экран.

Крышку я захлопнула слишком резко. Анна посмотрела на ноутбук. Я убрала с него руку и открыла блокнот: спринт, сроки, всё записано. Сейчас просто прочитаю вопросы.

— Отчеты по спринту, — рявкнула я. Громче, чем нужно. Быстрее, чем позволяла дикция. — Кирилл, у тебя просрочка по интеграции платежного шлюза. Анна, почему тесты на нагрузку падают? Говорите. Сейчас.

Кирилл поправил ноутбук перед собой. Код я знала, обычным «ждём ответа» со мной не отделаешься. — Вера Сергеевна, у API провайдера проблема. В техподдержку написали. — Ответа нет? Делайте временный обход. Два часа до деплоя. Мне нужен работающий шлюз к обеду, Кирилл. Он посмотрел на список задач. Я дождалась, пока откроет нужную.

Закончив фразу, я поняла, что почти кричала. В комнате работал кондиционер, а спина под блузкой взмокла. Никто не перебил меня, и это злило: они будто уступали несчастной женщине право сорваться. Я поправила ноутбук перед собой и попыталась вернуться к срокам. Если сейчас заплачу, они уже не услышат ни слова о работе.

Лена из HR вошла с планшетом, даже не постучав. На нём что-то открыла ещё в коридоре. — Вера, на минуту. Она уже стояла рядом со столом. Обсуждать, есть ли у меня эта минута, не собиралась.

Кирилл перевёл глаза на окно. Анна вслед за ним повернулась туда же. Если они хотели дать нам с Леной поговорить наедине, могли выйти. Но никто не встал.

На планшете была служебная записка о поведении СЕО и СТО. Лена подвинула её ко мне. — Совет ждёт объяснений. Инвесторы звонят, слухи уже не остановить. Григорий Волков запросил аудит серверных доступов. — Его кто попросил? — Фонды. Он независимый эксперт. Вера, молчать сейчас невыгодно. Если хочешь сохранить свою репутацию, дистанцируйся от Артемия. Официально, чтобы был протокол. Я посмотрела на название записки ещё раз. Репутацию здесь, похоже, предлагали только в обмен на нужную подпись.

Лена придерживала планшет за край. Я прочла заголовок ещё раз: нарушение этики СЕО и СТО. На совете уже решали, кто из супругов виноват, а Лена пришла получить от меня нужный ответ. Она стояла спокойно, ждала, пока я соглашусь «дистанцироваться». От этого спокойствия захотелось взять планшет и заставить её прочесть записку вслух перед всеми.

Я взяла планшет, удержав его, когда Лена попробовала потянуть обратно. — Мой брак не обсуждают на стендапе. Работа с персональными данными такого права не даёт. Ты действительно хочешь, чтобы я передала это юристу? Она разжала пальцы. Теперь можно было прочитать, чего именно ждёт совет, без её пояснений.

Я удалила черновик и вернула планшет. — Уходи. Ещё одна такая бумага без юристовой подписи — и я отдам всю рассылку своему юристу. С именами. Пусть потом объясняют инвесторам, как обсуждали чужой брак. Лена вцепилась в планшет и погасила экран. На этот раз спросить, всё ли я поняла, не захотела.

Лена забрала планшет и вышла. За столом никто не сказал, что я права; но никто и не попытался вернуть разговор к записке. Кирилл посмотрел на Анну, та отвела глаза. Я вдруг остро почувствовала, что заставила их молчать, а не убедила. Вернуть рабочий разговор теперь будет труднее. Всё же мои отношения больше не лежали у них перед носом в виде служебного документа.

Глава 4

На большом мониторе сработала тревога SOC. Я повернулась к нему раньше остальных. Уведомление касалось ADM_01, устройства Артемия: «Попытка удалённого доступа к архиву метаданных через внешний IP. Источник: ссылка в канале #general». Теперь речь шла об архиве, не о моей реакции на запись.

Я прочла уведомление до конца. Запрашивали архив устройства: локации, звонки, метаданные. Ночью я закрыла к нему доступ, а сейчас кто-то входил через ссылку из общего канала. Тут были не только личные записи Артемия. Через устройство можно добраться до ключей и клиентских данных. Слово «семейный» в записке Лены теперь казалось удобной отговоркой для настоящей атаки.

Я вспомнила ссылку, которую Ника бросила в общий чат. Пока все обсуждали переписку, через неё пытались войти в архив. Дропперу не нужно, чтобы кто-нибудь поверил в измену; ему достаточно клика.

— IT-отдел! — закричала я, доставая телефон. — Изолировать внешние порты! Блокировать трафик на всех узлах! Немедленно!

Из переговорной вышел Дима, тимлид инфобеза. Лицо серое. — Вера, система уже начала автоматическое удаление логов. Кто-то запустил скрипт очистки. Это не хакеры снаружи. Это внутренний аккаунт. С правами администратора.

Я замерла. Полными правами в рабочем контуре обладали двое: я и Артемий. Марк управлял тестовым. Но украденный токен делал эту границу условной. В этот момент дверь переговорной снова открылась.

Вошёл Артемий. Рубашка смята, глаза красные — таким он обычно никому не показывался. Я подумала, что ночью он тоже не спал. Сотрудники смотрели, пока он шёл к столу. Кто-то отвёл глаза только после того, как Артемий поймал его взгляд. Он заметил это и ещё больше замедлил шаг.

Он остановился у открытой двери, на виду у опенспейса. — Ребята, послушайте. Кашлянул, начал снова: — Запись — монтаж. Дипфейк. Я такого не говорил. Веру люблю. Это конкуренты нас провоцируют. На слове «люблю» посмотрел на меня, ожидая, что я сама завершу объяснение.

Он повернулся к столу, потом опять ко мне. — Вера, скажи им. Ну скажи, что это ложь. Сотрудники ждали моего ответа с таким вниманием, какого отчёты по спринту никогда не получали.

Артемий потянулся к моему плечу. Перед всеми хотел показать, что мы вместе. Только меня об этом снова не спросил.

Я отступила из-под его руки. У стола перестали даже перелистывать страницы. Теперь мой отказ тоже увидели все.

— Не трогай меня, — произнесла я. Громко. Четко. Так, чтобы слышал каждый, даже в кухне на другом конце этажа. — Ты мне никто.

Он опустил руку. — Вера... Я слишком хорошо знала, что после имени будет просьба, которую нельзя отвергнуть, не выставив себя жестокой. Слушать её при всех не стала.

Я развернулась спиной к нему. Повернулась к своим коллегам. — Работаем, — сухо бросила я. — У нас горит бизнес, а не ваша личная драма. Разойтись.

Я вышла, не оглядываясь на стол. В кабинете закрыла дверь и прислонилась к ней. Хотелось проверить, не идёт ли Артемий за мной, но я не стала снова открывать. Из коридора доносились обычные голоса. Он там мог продолжать объяснять что угодно. Здесь мне предстояло хотя бы отдышаться и открыть логи.

В кабинете с первого раза не попала по клавише. Терминал открылся, а прочесть логи firewall не удавалось: пришлось наклониться ближе. Когда постучали, крикнула «Занято!» прямо в экран. Ответа от посетителя ждать уже не хотела.

На «занято» вошла Ника. С гостевым пропуском на груди, в аккуратном костюме. Значит, кто-то опять пригласил её сюда. — Привет, Вера. Тяжёлое утро? Она оглядела мой стол. Я повернула ноутбук от неё.

— Кто тебя впустил? Она положила на край стола белую визитку. — Кое-что принесла. «Григорий. Киберкриминалистика». Я держала ладонь на ноутбуке и смотрела на этот номер. Слишком осведомлена она оказалась для случайной посетительницы.

Я схватила визитку и швырнула её в мусорное ведро. — Убирайся. Если я увижу тебя рядом с серверами, я сломаю тебе ноги.

Ника даже не повернулась к двери. — Детка, ты думаешь, на этом всё? Артемий за инвестиции что угодно отдаст, а ты сидишь одна. Можешь плакать, можешь попробовать выиграть. Григорий умеет разбирать такие записи. Позвони. «Детка» она произнесла особенно мягко. Я показала на дверь, и только тогда она убрала руку со стола.

Закрыв за ней дверь, я постояла с рукой на ручке. Слышала её шаги в коридоре. Нужно попросить охрану проверить пропуск. Но сначала — визитка, пока не выбросила её по-настоящему.

Визитка лежала сверху, её даже не пришлось бы искать среди мусора. Ника зачем-то привела меня к Григорию, с которым я уже говорила. Хотела показать, что знает о нём? Или проверить, доверюсь ли я человеку после её рекомендации? Я не собиралась позволять ей выбирать за меня союзников. Но номер на карточке следовало сохранить.

Я вытащила карточку и протёрла её футболкой. На ней был номер Григория; я сверила его со своим контактом. В этот момент зазвонил незнакомый номер. Я ещё держала карточку в руке, когда приняла звонок.

— Алло. — Григорий. Ссылка от Ники уже пришла? Не открывай. Я опять на связи. Номер у него другой, но голос я узнала. Всё ещё держала его визитку перед собой.

Я послушала его голос. Григорий разговаривал спокойно, и мне хотелось рассердиться на него за это: моё утро прошло совсем иначе. Но вместо претензий я спросила: — Какие артефакты ты нашёл в аудио?

— Подтверждается вчерашнее, — ответил он. — У голоса признаки базовой обучающей модели, в фоне повторяется сгенерированный шум. Только сделано так, чтобы твой анализатор его пропустил. Это не случайный монтаж, Вера. Я записала про фон рядом с номером на карточке.

— Что тебе нужно? — Архивы, логи, серверные данные. С одним звуком мы не доберёмся до того, кто это делал. И мне нужно, чтобы ты понимала: в компании заметят, чем занимаемся.

— Почему я должна тебе верить? — Потому что другие хотят твоего мужа мертвым. А я хочу, чтобы ты знала правду. Хотя бы техническую.

Через стекло кабинета были видны люди за обычной работой. Кто-то смеялся, передавая коллеге телефон. Я отвернулась от них. — Ты где? — Через час буду у паркинга. Выйди туда.

Я сбросила звонок. Внезапно телефон снова зазвонил. Системное уведомление от облачного хранилища. «Запущен процесс пакетного удаления файлов. Папка: /Archive/Personal_Photos».

У переговорной уже никого не было. На оставленном мной мониторе шла полоса удаления. Пятнадцать процентов. Я подошла к клавиатуре, ещё не успев решить, что именно нажму.

На столе лежал Артемиев телефон. Экран погас. Я поискала мужа взглядом и снова посмотрела на монитор: удалялись наши фото. Италия, свадьба, день рождения его матери.

Кто запустил процесс, я не видела. Но телефон рядом оказался убедительнее любого ответа. Хотелось спросить, зачем он стирает то, в чём мы ещё вчера оба были живыми и счастливыми.

Я остановилась. Посмотрела на прогресс-бар. 30%. 40%. Рука зависла над кнопкой «Отмена». И я не нажала её.

С экрана исчезали наши фотографии. Оставалось бы нажать «Отмена», но я стояла перед монитором и смотрела, как растёт процент. Он не защищал то, что мы прожили, — так мне казалось в эту минуту. Значит, и я не должна удерживать его за эти снимки. Проверить, кто запустил удаление, всё равно придётся; только мужа это мне уже не вернёт.

Когда удаление закончилось, в чёрном экране осталось моё лицо. Я постояла перед ним, пока не услышала лифт. Артемий уехал. Мне хотелось пойти следом и потребовать ответа, но вместо этого я вернулась к своему столу. Через час должен приехать Григорий. Он вчера говорил, что запись не доказывает измену. Я повторила это про себя и открыла логи — хотя поверить в эти слова всё ещё не могла.

Глава 5

Сумку я оставила на коленях, хотя рядом стоял свободный стул. Соловьев годами работал на «ФинТех», ещё неделю назад я считала, что на нас обоих. Сегодня представлял Артемия. У меня были сведения о долгах мужа; пришла я забрать свою долю, не объяснять, почему больше не хочу с ним жить. По дороге это казалось простым.

Соловьев вынул папку и положил на стол между нами. Белая обложка без названия. Место для подписи он нашёл сразу, даже не полистал.

— Здесь, Вера. Он подвинул ко мне ручку. — Завтра подадим на развод. По активам сможем обойтись без войны, если договоримся сегодня.

Ручку я взяла, а лист перевернула обратно. Подписать предлагали раздел имущества. В середине страницы, мелким шрифтом, было условие: «При признании супругой публичных обвинений необоснованными она передаёт супругу 90% своей доли и отказывается от имущественных претензий». Девяносто. Я ещё раз прочла цифру. Вот что здесь называлось договориться.

Я перечитала пункт. Контракт мы подписали перед свадьбой, и я помнила, как торопилась обратно к работе, пока Артемий успокаивал родителей. Но таких девяноста процентов там не было. Я повела пальцем по строке, потом перевернула страницу. Значит, передо мной не тот документ, которым адвокат назвал эту папку.

— Это подделка, — процедила я, чувствуя, как горло перехватывает спазм ярости. — Этой страницы нет в оригинале. Нотариальная печать смещена. Вы думаете, я не знаю, как работают ваши трюки?

Соловьев улыбнулся уголками рта. Улыбка не достигла глаз. — Оригинальный документ хранится в архиве нотариуса, Вера. И он там есть. А это всего лишь предложение урегулировать спор. Ваши «доказательства» дипфейка пока что лишь слухи в общем чате. Судья поверит бумаге, а не вашим хакерским байкам.

В коридоре обнаружила, что всё ещё держу ручку Соловьева. Вернулась отдать секретарю. Папку с новым условием приготовили заранее, а я едва не подписала — только бы скорее закончить разговор. На ручку смотреть было неприятно.

В нашей переговорной Артемий перебирал документы во главе стола. Увидев меня, не убрал их и даже не переменялся в лице. Я поставила сумку на ближайший стул. Ему было удобно сидеть здесь, пока я бегаю между адвокатом и офисом; хотелось лишить его этого удобства хотя бы на пять минут.

— Ты думаешь, я испугаюсь твоих угроз про серверы? — спросила я. — Я могу вытащить все транзакции с офшорами. Я могу показать инвесторам, что ты заложник теневого фонда.

Он дослушал меня и развернул ноутбук. По выражению его лица стало ясно: показывать транзакции он сейчас не будет. — Посмотри сюда, Вера.

В схеме корпоративного управления стояла ShadowTech Ltd, Кипр. Ей передали права на IP. Я выделила взглядом дату: прошлая неделя, за семь дней до фотографии Ники. Пока я искала измену, код уже числился за чужой компанией.

— Ты знал, — сказала я, и голос сорвался на шепот. — Ты заранее подготовил почву, чтобы забрать всё, если мы разведемся.

— Защищал бизнес, — ответил он. — Брак для них риск, технологии — актив. Ты же сама всё время говорила: эмоции — баг в системе. Он дождался, пока я посмотрю на него. — Вот ты за него сейчас и платишь.

Он ещё и рассмеялся. Я стояла рядом с экраном, читала чужое название вместо прав на наш код, а он повторял мою собственную фразу про эмоции. Ему казалось, что это удачный

ответ. Я убрала руку со стола: слишком хотелось ударить ладонью по ноутбуку и заставить его наконец замолчать.

В коридоре вызвала Григория. Держать прежний голос уже не могла; хотелось, чтобы он взял трубку до того, как я снова встречу с кем-нибудь из команды.

— Мне нужно заключение эксперта сегодня, — выпалила я в трубку, прижимая аппарат к уху так сильно, что кожу пронзило болью. — Заключение с твоим именем. Если я не смогу доказать подлог, они заставят меня выбирать между репутацией и долей.

— Без исходников Ники и логов её серверов я подпишу предположение, — сказал Григорий. — Как она собирала звук, на чём? Нам нужен ответ. Не объяснение, что я видел похожие артефакты. Я отошла дальше от стеклянной двери: Артемий мог всё ещё видеть меня из переговорной.

— Дай мне эти факты! — крикнула я, чувствуя, как зрение мутнеет от слез бессилия.

— Дай доступ в «ФинТех». Полный, включая админские разделы. — Это NDA. — Знаю. Поэтому и спрашиваю тебя, а не забираю его сам. Без доступа дальше не пойду. Он ждал решения; я смотрела на телефон, где можно было просто закончить разговор.

Я отошла от перегородки, за которой сидели сотрудники. Всё равно они слышали. Григорий хотел полные права — после того, как я только что увидела, куда эти права позволили Артемию вывести код. Ему нужен доступ, мне нужно заключение. Договориться следовало так, чтобы правда не стала последней утечкой в нашей компании.

— Я перезвоню, — пробормотала я и сбросила вызов.

В прихожей стояли коробки Артемия. Он успел собрать вещи, пока я разговаривала с его адвокатом. Сверху лежала рубашка, даже не сложенная. Я прошла мимо: смотреть на коробки значило снова думать о браке, а в кабинете меня ждал рабочий ноутбук. Последние пять лет я открывала его здесь каждый вечер. Сейчас хотя бы в нём можно было сделать что-то полезное.

Я открыла крышку. Экран вспыхнул черным квадратом с красной надписью: ACCESS DENIED. Administrator lockout initiated.

Мастер-пароль не подошёл. Биометрия тоже. На аварийном входе я задержалась, аккуратно ввела комбинацию заново — отказ. Я откинулась на стул и посмотрела на экран. Всё было на месте: стол, клавиатура, мои закладки. Только работать в системе, которую я строила, мне больше не разрешали. Артемию понадобилось несколько команд, чтобы выставить меня из неё, даже не приходя домой.

Телефон завибрировал в кармане куртки. Push-уведомление из соцсетей. Анонимный канал «Голос Москвы IT».

«Жена-хищница бросила мужа CEO ради денег. Скриншоты переписки ниже: она требует 50% акций, угрожая публикацией долгов. #РазводНаХайпе»

Под постом уже висело двести комментариев. «Карьеристка!» «Мужик бедный, она его выжала». «Так им и надо, женщинам, которые считают себя выше мужчин».

Я читала комментарии и каждый раз говорила себе: хватит, это чужие люди. Но палец снова прокручивал ленту. В посте уже были мои требования о долях, хотя обсуждала я их совсем недавно. Кто передал скриншоты? Пока я думала, как опровергать аудио, они успели дать публике ещё одну версию — где деньги выпрашиваю я, а защищаться приходится Артемию.

Ночь я провела в пустом кабинете на работе. Офисные лампы гудели, создавая белый шум. Передо мной лежали распечатки документов, которые я смогла найти в бумажном архиве, пока цифровые копии были заблокированы.

Я искала в бумагах условия выхода из сделки. Не находила ничего, что можно сделать одной. Оставались люди, которым нужно звонить: родители Артемия, прежние инвесторы. Те самые, на чью медлительность я жаловалась. Теперь их неторопливый звонок мог остановить

чужую быструю сделку. Нужно было набрать номер и признаться, что собственными силами я не справляюсь.

Первый номер в контактах — и дальше никак. «Помогите, ваш сын выдавливает меня»? Придётся отвечать на вопросы и слушать советы о примирении. Пока я не могла это произнести. Положила телефон и вернулась к распечаткам, хотя они ни за кого не позвонят.

В папке «Увольнение Ника» нашёлся распечатанный черновик годичной давности. Я хотела проверить основание кадрового решения. Развернула лист — и некоторое время просто смотрела на обращение к Нике.

Вместо этого я прочитала план.

«Ника, сценарий готов. Мы используем её обиду для создания видео-компромата. Цель — контролируемый взрыв брака для вывода активов из-под удара кредиторов. Ты получаешь долю от ShadowTech после реализации схемы. Артемий.»

В письме не было даже намёка на случайную обиду Ники. Брак там назывался «взрывом», а мне отводилось место в расчёте по долгам. Я перечитала подпись Артемия. Вчера мне хотелось доказать, что он не говорил чужой женщине этих слов. Теперь нужно было доказать другое: что он сам предложил использовать меня и наши отношения для сделки.

На следующем листе говорилось о человеке, который оплатит схему. Я прижала верхнюю страницу локтем, чтобы не закрывала продолжение.

«Спонсор сделки подтвердил готовность закрыть долг через три месяца после раздела активов. Контакт: М. Орлов.»

Марк Орлов. Наш главный инженер безопасности и член совета директоров. Друг из университета, которому я помогала строить карьеру десять лет назад. Он знал мой код и мои слабости лучше постороннего. Теперь и это стало угрозой.

Ника, Артемий, Орлов. Я выписала имена, оставив место для следующих: документы уже двигались без меня. Слово «развод» рядом с ними выглядело почти безопасным. Его хотя бы можно обсуждать с человеком, за которого вышла замуж.

Я открыла контакты инвесторов и нашла Орлова. Обычно даты рождения держала в голове, не проверяла: слишком много раз поздравляли друг друга. Сейчас даже этой своей памяти не доверяла.

Мой взгляд упал на строчку в блокноте, где я всегда записывала дни рождения близких. Рядом с именем отца стояла дата. И я вдруг вспомнила странное совпадение, которое заметила еще год назад, когда Орлов присылал нам подарок на годовщину свадьбы.

Я посмотрела на дату рождения Марка Орлова в профиле LinkedIn. День и месяц совпадали с днём рождения моего отца. Год — нет. Орлов мог быть знаком с ним, но сейчас я цеплялась за любое совпадение.

Я обвела дату вопросительным знаком. День рождения не связывает людей в одну схему, как бы мне ни хотелось найти ответ. Достаточно было уже самого письма. Я вернулась к нему и начала выписывать то, что можно проверить: дату, имя Орлова, срок закрытия долга. Каждую строчку пришлось читать по два раза — знакомые имена всё ещё мешали видеть документ.

Глава 6

Дмитрий держал перед собой закрытый документ, и я уже знала ответ. Стакан кофе со знаком банка остыл у моей руки. Руководитель цифровых продуктов разговаривал со мной вежливо — слишком вежливо для человека, с которым мы раньше обсуждали сбои без всяких церемоний. Я дождалась, пока он произнесёт «регламент». После этого можно будет спрашивать о сроках, а не гадать по его лицу.

— Вера Сергеевна, вы хороший специалист. Дмитрий зачем-то поправил галстук. — Но репутационные риски сейчас слишком велики. Безопасность не согласует продление API-доступа. Мне жаль. Это наш регламент. На «наш» он сделал упор. Хорошо, что хоть меня в этот круг не включил.

Он отвернул ноутбук к себе и закрыл документ. Я смотрела на угол экрана, ещё видный с моей стороны. Видимо, обсуждать показатели сервиса уже не собирались. Дмитрий убрал руку с мыши и сложил её рядом с другой на столе.

Что за чушь. Система работает, а им нужен мой брак в приличном состоянии. Я упёрлась ладонями в стол, чтобы не начать доказывать это сейчас. Лучше получить хоть одну полезную вещь. — Когда прислали письмо юристы?

Он посмотрел на закрытый ноутбук. Дата там? Или нужно время решить, можно ли её назвать?

— Сегодня утром, — наконец произнес он, избегая моего взгляда. — Около десяти.

Письмо пришло в десять, а встреча назначена на двенадцать. Меня пригласили выслушать готовый отказ. Я зря готовила показатели и ответы на вопросы. Оставалось узнать, что именно им прислали до встречи — и почему письмо оказалось убедительнее нашей работающей системы.

За дверью банка застегнула пальто: ноябрьский холод почувствовала только теперь. Телефон вибрировал. Отвечать стоя здесь не хотелось. В офисе есть работа, которой не помешает фамилия моей мнимой соперницы.

Нужно было вернуться в «ФинТех» и проверить серверы. Банк мог отказать по любой удобной формулировке, но сервис оставался нашей ответственностью. С Артемием я уже не умела договориться. С командой ещё должна была. Если потеряем рабочую систему, спорить о долях станет бессмысленно.

У большого экрана стояла поддержка. Я сразу увидела жёлтые статусы сервисов и подошла ближе. Красная авария хотя бы заставила бы всех действовать; здесь всё ещё работало, только хуже с каждой минутой. Можно было говорить о нагрузке и ждать, пока станет совсем плохо. По лицу Максима я поняла, что именно это мне сейчас и предложат.

— Что происходит? — мой голос прозвучал слишком резко для открытой двери.

Максим продолжал печатать, хотя вопрос услышал. Я дождалась, пока закончит строку; никакая новая строка не избавит его от ответа.

— Пользователей больше, — сказал он. — Активность аномальная. Балансировку держим, но... Он оставил «но» мне. Я посмотрела на жёлтый статус, потом на его экран.

— Дай логи, — потребовала я.

Выгрузку он не открыл. Я обошла стол, чтобы видеть его монитор. Отдельно уговаривать дать логи не стану.

Протянув накопитель, потребовала выгрузку. Он сделал её без новых возражений. На ноутбуке я убрала пользовательский трафик и оставила системные запросы. Пики пропали, осталась равномерная полоса. Люди так не пользуются сервисом даже в пиковую нагрузку. За нас старается скрипт.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.